

5 декабря 2020 года мы отмечаем 200-летие со дня рождения

великого русского лирика, нашего земляка

Афанасия Афанасьевича Фета

«ДАТЬ ЖИЗНИ ВЗДОХ...»

«Мир во всех своих частях равно прекрасен. Красота разлита по всему мирозданию и, как все дары природы, влияет даже на тех, которые её не сознают, как воздух питает и того, кто, быть может, и не подозревает его существования» — это суждение, определяющее, наверное, сущность не только его поэзии, Афанасий Фет сумел пронести через всю свою жизнь — необычную, сложную, во многом драматическую. И стать тем, кем он стал в русской литературе — непревзойдённым чистым лириком.

*Шёпот, робкое дыханье,
Трепещут соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур
роз,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слёзы,
И заря, заря!..*

(1850)

Это, пожалуй, самое известное стихотворение, навсегда ставшее для многих русских читателей символом всей фетовской лирики, и, по мнению современников, именно с него, напечатанного в журнале «Москвитянин», началась громкая слава Фета. Слава неоднозначная, двойственная — как и многое в жизни этого неординарного человека.

Нет почти ни одной статьи критиков-современников, где не говорилось бы об этом стихотворении. Это как раз и подчёркивает в своём отзыве Салтыков-Щедрин, прямо заявляя, что «в любой литературе редко можно найти стихотворение, которое своей благоуханной свежестью обольщало бы читателя в такой степени». Горячим пропагандистом поэзии Фета очень скоро становится И. С. Тургенев, и не только он. В одном из писем Фету Иван Тургенев восторженно пишет: «Некрасов, Панаев, Дружинин, Анненков, Гончаров — словом, весь наш дружеский кружок вам усердно кланяется... мы предлагаем поручить нам новое издание ваших стихотворений, которые заслуживают самой ревностной очистки и красивого издания, для того чтобы

им лежать на столике всякой прелестной женщины. Что вы мне пишете о Гейне? Вы выше Гейне, потому что шире и свободнее его». Белинский констатирует: «Из живущих в Москве поэтов всех даровитее г-н Фет». Это же отмечает и Некрасов: «Смело можно сказать, что человек, понимающий поэзию и охотно открывающий душу свою её ощущениям, ни в одном русском авторе после Пушкина не почерпнёт столько поэтического наслаждения, сколько доставит г-н Фет». Восторгается Фетом и Лев Толстой: «Откуда у этого добродушного, толстого офицера... такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов?»

Однако вскоре мнение критиков о поэзии Фета начинает меняться. В стране наступало время кардинальных социальных преобразований, новых идейных веяний, не могущих не отразиться на направлении движения литературной мысли, всё более отвергающей «чистое художество» ради «практической цели».

Афанасий Фет оказывается в центре споров о современном назначении поэзии, ему приклеивают ярлык «эстетствующего реакционера». И уже Салтыков-Щедрин отводит Фету «одно из видных мест в семье второстепенных русских поэтов» (однако признаёт, что романсы на его стихи «распевают чуть ли не вся Россия»). Салтыкову-Щедрину вторит Добролюбов: «...г. Фет очень верно выражает неопределённые впечатления природы, и однако ж отсюда вовсе не следует, чтобы его стихи имели большое значение в русской литературе». Дальше всех пошёл Писарев предположив, что стихи Фета годны разве что «для склеивания под обои и для завёртывания сальных свечей, мешёрского сыра и копчёной рыбы».

А Фет не желает менять свои эстетические убеждения в угоду критике и продолжает восхищаться красотой окружающего мира:

*Какая ночь! Как воздух чист,
Как серебристый дремлет
лист,
Как тень черна прибрежных
ив,
Как безмятежно спит залив,
Как не вздохнёт нигде волна,
Как тишиною грудь полна!..*

И утверждает: «Если песня бьёт по сердечной струне слушателя, то она истинна и права. В противном случае она ненужная парадная форма и поэзия должна обходиться без наставлений, правоучений».

Так или иначе, но полемика

с апологетами «литературы социального трагизма» сделала своё дело: привела Фета в состояние тяжелейшей хандры и депрессии. В этой ситуации спасительным для него оказалось решение оставить литературу и заняться сельским хозяйством — следующие семнадцать лет Фет полностью отдал обустройству приобретённого имения Степановки в родном ему Мценском уезде и, по его воспоминаниям, за этот период «не написал и трёх стихотворений».

Лишь в конце 1870-х годов «муза пробудилась от долголетнего сна» — Фет начал писать стихи в количестве не меньшем, если не большем, чем в молодую свою пору. Новому отдельному сборнику стихотворений, вышедшему после

*Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю...
И верю сердцем,
что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья.*

*Какая ночь!
Как воздух
чист,
Как
серебристый
дремлет
лист...*

двадцатилетнего перерыва, в 1885 году, когда ему было уже 63 года, он дал заглавие «Вечерние огни». Под этим же очень ёмким, точным и поэтичным названием, явно намекающим на вечер жизни, её закат, Фет опубликовал в 1885-м, 1888-м и 1891-м годах ещё три сборника (выпуска) новых стихов. Но «вечерний» день Фета оказался необычным. Это был яркий взлёт — в стихотворениях, создававшихся на исходе шестого, седьмом и даже на восьмом десятилетии жизни поэта, его творческий дар не только сохранил свою свежесть

и юношескую силу, но и достиг высшего расцвета.

Первым нечто ещё небывалое в новом лирическом потоке Фета пронизательно подметил и выразил в письме к нему Лев Толстой: «Стихотворение ваше крошечное прекрасно. Это новое, никогда не уловленное прежде чувство боли от красоты, выражено прелестно».

Эта «боль от красоты» зазвучала «плачем» и «рыданием» в поздней лирике Фета:

*Далёкий друг, пойми мои
рыдания,
Ты мне прости болезненный
мой крик.*

*Далёкий друг,
пойми мои
рыдания,
Ты мне прости
болезненный
мой крик...*

*С тобой цветут в душе
воспоминанья,
И дорожить тобой я не
отвык.*

Так начинается поэт стихотворение, написанное в январе 1879 года и посвящённое Александре Бржезской, давней своей возлюбленной. А в финале стихотворения мощно звучит обречённость одиночества:

*Не жизни жаль
с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть?
А жаль того огня,
Что просиял над целым
мирозданием,
И в ночь идёт, и плачет,
уходя.*

Поздние произведения Афанасия Фета поражают глубиной философской мысли, пришедшей на смену наивному юношескому восторгу, присущему его ранним строчкам. А в последнем, четвёртом выпуске «Вечерних огней», вышедшем за год до смерти, Фет с абсолютной отчётливостью высказал своё представление о назначении поэтического творчества:

*Одним толчком сознать
ладью живую
С наглаженных отливами
песков,
Одной волной подняться
в жизнь иную,
Учать ветр с цветущих
берегов,
Тоскливый сон прервать
единым звуком,*

*Упиться вдруг неведомым,
родным,
Дать жизни вздох, дать
сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать
своим,
Шепнуть о том, пред чем
язык немеет,
Усилить бой бестрепетных
сердец —
Вот чем певец лишь
избранный владеет,
Вот в чём его и признак
и венец!*

Афанасий Фет писал в одной из своих статей: «Кто не в состоянии броситься с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик!» И подтверждал это своими стихами:

*Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю...
И верю сердцем, что*

*растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья.*

В сущности, Фет — последний и самый яркий представитель романтизма, достойно занимающий место в первом ряду русской литературы. Его лирика отнюдь не зовёт к «уходу от жизни» — она лишь предлагает собственную программу действия в ней. Продуманную и последовательную.

«Я никогда не мог понять, чтобы искусство интересовалось чем-либо помимо красоты», — писал в своих воспоминаниях Фет...

Один мой знакомый, недурной, кстати, современный литератор, говоря о стихах Фета, буквально повторяет Писарева 60-х годов позапрошлого столетия: «Это как обои — вроде они есть, а взгляд не фокусируется». Жалею его, не умеющего видеть красоту, от которой, по мнению Фета, целый мир, который, по мнению Достоевского, мир и спасётся.

Андрей ФРОЛОВ